

Пчелина Ольга Викторовна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социальных наук и технологий
Поволжского государственного
технологического университета,
докторант кафедры философии
Московского педагогического
государственного университета
dom-hors@mail.ru

**«КУЛЬТУРНЫЙ СЕБЯЛЮБЕЦ
ДВАДЦАТОГО ВЕКА»:
Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ**

Аннотация:

Статья посвящена анализу концепта «культура и революция», рассмотрена специфика интерпретации роли культуры в русской революции XX в. Обоснована ведущая роль Дмитрия Мережковского в формировании концепции будущего русской культуры, в понимании феномена русской революции, ее влияния на историческую и культурную судьбу России.

Ключевые слова:

Серебряный век, Д.С. Мережковский, культура и революция, религиозная общественность, социальный активизм.

Pchelina Olga Viktorovna

PhD,
Assistant Professor of the Social Sciences
and Technologies Department,
Volga State University of Technology,
D.Phil. applicant of the Philosophy Department,
Moscow Pedagogical State University
dom-hors@mail.ru

**CULTURAL EGOIST OF
THE 20TH CENTURY:
D.S. MEREZHKOVSKY**

Summary:

The article deals with a conception of culture and revolution, considering specific interpretation of the culture's role in the Russian revolution of the 20th century. The author substantiates the leading role of Dmitry Merezhkovsky in formation of the conception of the Russian culture's future, interpretation of the Russian revolution phenomenon, and its influence on the historic and cultural destiny of Russia.

Keywords:

Silver Age, D.S. Merezhkovsky, Culture and Revolution, religious community, social activism.

Что я делал на земле? Читал Евангелие.
Д.С. Мережковский
Я и культура, я и вечность – вот его
центральная, его единственная тема.
Л. Троицкий

В истории культуры и философии есть определенные фигуры, жизненный и творческий путь которых вызывают напряженный интерес. Такой знаковой фигурой русского религиозного ренессанса является Д.С. Мережковский (1865–1941) – личность яркая и противоречивая, как и само время.

Интерес к Д.С. Мережковскому продиктован несколькими причинами. Во-первых, это общественный резонанс его новаторских символистских, религиозных и критических идей – «экспорта новых течений» (Андрей Белый). Во-вторых, специфическая манера подачи материала, заключающаяся в антиномическом мышлении и в использовании триадичных формул. В-третьих, масштабность замыслов произведений и никогда не ослабевавшая творческая продуктивность. Наконец, ставшее чуть ли не визитной карточкой Д.С. Мережковского, обильное цитирование источников, за что «маэстро цитат» и «властелин чужого» (Ю. Айхенвальд) регулярно подвергался жесточайшей критике и получал саркастические оценки своих современников.

Подчеркивая «огромность дарования» старшего символиста, Андрей Белый отметил, что Д.С. Мережковский при этом остался «нигде недоволен: не до конца большой художник, не до конца пронзительный критик, не до конца богослов, не до конца историк, не до конца философ» [1, т. 1, с. 334]. Такого рода критическое высказывание свидетельствует и в пользу адресата. Очертив круг творческих притязаний Мережковского – романиста, критика, поэта, историка культуры, мистика, драматурга, заметив, что каждое его произведение есть совокупность всех сторон авторского дарования, «коллега по цеху» лишь подчеркнул разнообразие сфер действия, широту мышления, синтетизм творческого метода Д.С. Мережковского [2]. Что касается Д.С. Мережковского, репутация одного из мэтров русского символизма и статус одного из инициаторов и организаторов Религиозно – философских собраний (1901–1903 гг.) его вполне устраивало. В философский лагерь Д.С. Мережковский, по-видимому, не стремился – «если бы я был философом, я постарался бы донести мысль до окончательной ясности», но и ролью литератора до-

вольствоваться не собирався, уточнив, что «большинство считает, что я исторический романист; и это глубоко неправильно...» [3, с. 342]. Новаторство романиста выразилось в жанровой стороне: благодаря Д.С. Мережковскому роман «мысли» или историософский роман стал феноменом и способом выражения философской составляющей русского символизма.

Призыв Д.С. Мережковского «от великого созерцания» перейти «к великому действию, от слова к делу», адресованный современникам, реализовался им самим не только в литературно – критической и религиозной деятельности. В предреволюционный период и в годы первой русской революции творческая энергия мыслителя была направлена в сферу публицистики как способа социального предупреждения и защиты культуры от «Грядущего Хама» – метафизического, нравственного и социального зла. Таким образом, религиозные искания, символистская и историософская проблематика перешли в культурно-философскую и социальную, а творческий активизм Д.С. Мережковского стал религиозно-революционным.

Личное присутствие в революционных исторических координатах диктовало необходимость определения своего отношения к происходящим событиям, а вопросы соотношения культурных и революционных процессов в обществе обусловили масштаб и резонанс темы культуры и революции. Это было время, когда все высказанное деятелями культуры воспринималось обществом не только как художественная, но и как социально-политическая манифестация. Отношение представителей русской культуры к революции и понимание ее роли выявило не только противоречивость оценок, идейных и художественных установок, но и степень влияния революционных событий на отечественную культуру.

В работах русских мыслителей, рассматривавших тему культуры и революции, достаточно рельефно просматриваются две линии влияния, связанные с именами Ф.И. Тютчева и Р. Вагнера. На протяжении всего творчества обращался к тютчевским работам и Д.С. Мережковский. Мыслителей-поэтов сближали антиномичность историософских взглядов, способность в каждом социальном событии выявить глубокую связь с историческими процессами, анализ смысла и специфики взаимосвязи западных и российских революционных процессов, выявление их метафизической сущности, понимание революции как ложных основ и тупикового «последнего слова цивилизации», принципа власти, сущности Антихристианства [4, т. 5, с. 16–17]. В революционных событиях и Тютчев и Мережковский усмотрели не просто социальный акт или возмездие, но демонстрацию своеволия, насилия, оскудение и отрицание веры, противопоставление двух цивилизаций, двух церквей – католической и православной, различие в религиозной судьбе.

Раскрывая сущность революции, Д.С. Мережковский акцентировал внимание на идее классовой борьбы, изначально подразумевая борьбу двух духовных начал – «антиномий метафизических». Так же как и его предшественник, Д.С. Мережковский предупреждал, что такого рода борьба будет не только безысходной, но и бесконечной. Согласно Мережковскому, единственная цель междоусобной войны – истребление, поскольку «именно эта идея... вплоть до всемирной войны междоусобной, поглощающей все войны международной», является «единственно желанной и действительной» идеей революционного развития [5, с. 105].

В европейской философской мысли тему культуры и революции поднял Поль Рихард Вагнер в знаменитой статье «Искусство и Революция (Die Kunst und die Revolution, 1849). Автор «Полета валькирий» задался скорее обоснованием сопряжения, чем выяснением противоречий двух противоположных по своей природе социальных явлений. Р. Вагнер отметил, что истинное искусство есть само по себе высшая свобода, оно несовместимо ни с властью, ни с какими-либо авторитетами. При этом немецкий мыслитель понимал революцию как социальное движение и высказал мысль о том, что только союз искусства – красоты с революцией – силой способен «указать социальному инстинкту дорогу» и достичь своей цели [6, с. 3–28]. Название работы также подтверждает мысль Р. Вагнера о первенстве искусства над революцией, понимания последней как условия для возможного произведения искусства будущего.

Факт мощного влияния немецкого композитора на русскую культуру неоспорим, поскольку представители Серебряного века искали «в аналогиях с Вагнером, в его философии и музыке ответы на самые жгучие и неразрешимые вопросы своей собственной жизни, на жестокий и грандиозный вызов революции в России, брошенный вековой культуре» [7].

Всех волновала «своеобразно изгибающаяся линия отношений между революцией и искусством» (А.В. Луначарский) – параллельно с опубликованной в России работой Р. Вагнера создавались «Грядущие гунны» В.Я. Брюсова и «Грядущий хам» Д.С. Мережковского. Постановка проблемы в метафорической форме была характерной чертой символизма. Названия статей символически выражали различное отношение вождей московской и петербургской символистских школ к «старой» культуре, полярность концепций культурного развития России и идеологических симпатий. Рассматриваемые варианты демонстрировали и различное восприятие грядущих перемен и творческие реакции на революционные события.

В.Я. Брюсов одним из первых наряду с героизмом уловил в революции тенденцию социального возмездия: «Грядущими гуннами» (осень 1904) назвал поэт восставшие массы, «что тучей нависли над миром» [8, с. 271]. При этом, по замыслу автора, «грядущий гунн» должен был «оживить одряхлевшее тело волной пылающей крови» [9]. В такой интерпретации, как «буря летучая» и «гроза разрушения» революционное восстание рассматривалось автором как чаемое спасение. Благословив «орду опьянелую» на «творение мерзости во храме», на пляски около сожженных книг, В.Я. Брюсов расценивал такое поведение, как детскую неповинность, которая, как известно, подразумевает ненаказуемость или снисхождение. Время расставило свои акценты и теперь можно говорить о трагической участи подавляющего большинства «сочувствующих» революции от искусства. Несмотря на то, что осуществилась заветная мечта – открытие при «пролетарском» университете «специальной кафедры по изучению поэзии и стихосложения», В.Я. Брюсов признал бесперспективность и творческую непродуктивность следования по пути революции, бесполезность подчинения искусства и творчества замыслам пролетариата.

Статья Н.А. Бердяева «Революция и культура» (1905), которая была написана буквально «между» работами «Грядущие гунны» (осень 1904) и «Грядущий Хам» (1905), содержит тот самый вопрос, который стал определяющим в выборе «грядущего» и звучал риторически: «Откроет ли русская революция широкий и свободный путь для великой всенародной культуры или все благородные ценности остается только унести “в катакомбы, в пустыни, в пещеры”?» [10, с. 255]. Цитируя именно эту строфу из «Грядущих гуннов», русский философ подчеркнул невозможность «раболепного» подчинения «самой некультурной из всех революций мира», презирающей культурные ценности, культивирующую хулиганство и хамские чувства [11, с. 254–258].

В унисон Н.А. Бердяеву прозвучала другая, отличная от брюсовской, версия будущего культуры, которая была представлена Д.С. Мережковским через образ «Грядущего хамы» и посыл которой во многом и надолго определил характер дискуссий о культуре и революции, России и Европе.

Несмотря на сходство в названии тексты – версии «Грядущего» позиционировали противоположные концепции по вопросам культуры и революции, различные ожидания и интерпретации культурных и революционных событий, происходящих в России. Концепция Д.С. Мережковского, с его верой в творческую индивидуальность и упором на «творчество культуры», была с самого начала противоположна «живому творчеству масс», «творчеству жизни», где материалом служили классы, партии, массы, войны и которую проповедовали большевики. Убеждение Д.С. Мережковского в том, что в мир грядет не романтический «кочевник», а мещанин, что безбожная и злобная масса общественного дна способна исключительно на «хамство», привело его к мысли о разрушительности и даже непредсказуемости таких последствий для страны во всех отношениях. Д.С. Мережковский предупреждал против «худшего из всех рабств – мещанства, и худшего из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть чорт ... – грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам» [12, с. 43]. Статья «Еще шаг Грядущего Хама» стала реакцией Мережковского на явление футуризма, а события 1917 г. подтвердили опасения Д.С. Мережковского: «Торжествующая русская демократия открыла дверь перед «царем – народом» и вошел Торжествующий Хам» [13, с. 209]. Понимая революцию не как «праздник истории», а как неизбежное зло, насилие и уничтожение культуры, Д.С. Мережковский отрицательно относился к эстетизации революционного активизма, свойственной некоторым из его современников. Решение социальных проблем и преобразование общества Д.С. Мережковский видел в переходе «от власти человеческой к власти Божьей» – от государственного насилия к религиозной общественности. Согласно Мережковскому, только при условии слияния или единства социального и религиозного начал революция имела смысл.

Рассматривая культуру и религию как единое целое, Д.С. Мережковский выдвинул следующее положение: культура «не вытеснит, а лишь *заменит* собою религию, займет ее место, то есть она сама станет *религией*» [14, с. 85]. Следуя в русле рассуждений мыслителя, можно говорить о том, «религиозная общественность» трактовалась Мережковским широко: подразумеваемая под религиозностью духовность и культуру, революция была окрашена в мистические тона и мыслилась как «религиозная». Выделяя в процессе революции три этапа, Д.С. Мережковский верил, что за уже идущим первым, разрушительным «социальным фазисом» революции последует второй, «религиозный» и созидательный. С третьей стадией он связывал преобразование «общества христианского» в «единую вселенскую и владычествующую церковь».

Выявив связь культуры и религии, культуры и цивилизации, Д.С. Мережковский продолжал следовать в русле своих подходов и убеждений. Поскольку революция есть следствие цивилизационных процессов, рассуждал Д.С. Мережковский, результат преобладания материальной стороны культуры над духовной и цивилизационного кризиса, то культура не может подчиниться революции, следовать за ней, быть классовою. Культура должна быть высшей, духовной

целью развития общества, но не средством достижения или пропаганды цивилизационных или революционных успехов, иначе ее постигнет такая же участь – кризис, а затем и гибель. Культура должна направлять революцию, наполнить революционное движение духом, окрасить ее в религиозные тона, придать революции иной – не кровавый, насильственный или террористический смысл. В этом пункте Д.С. Мережковский полностью совпадал с мнением Н.А. Бердяева, считавшем, что революционными стихийными процессами необходимо управлять и подчинять культурным идеям. Такой же мотив прозвучит в канун второй мировой войны у Х. Ортеги-и-Гассета, который в продолжении революции – в большевизме и фашизме – увидит «внутреннее» и «внешнее» варварство, «восстание масс» и «существенный регресс» [15].

Идея религиозной революции Д.С. Мережковского получила дальнейшее развитие в его концепции будущего общества. Д.С. Мережковский отрицал насильственные пути общественных преобразований. Проблема выбора путей общественного развития России основывалась мыслителем на отрицании революционного преобразования и утверждения программы духовно-нравственного преобразования общества.

«Грядущий хам» и последовавшие за ней работы Д.С. Мережковского революционного периода русской истории соотносились автором с темой культуры и революции, с общественно-политической ситуацией в России и представляют собой несомненный интерес с точки зрения «свидетелей» социальных действий. Таки образом, вышеперечисленные обстоятельства дают полное основание признать творчество Д.С. Мережковского не только яркой иллюстрацией авторских мировоззренческих позиций, но и индикатором культурного, нравственного и социального самочувствия и политических настроений общества в целом.

Ссылки:

1. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. М., 1994.
2. Там же.
3. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995.
4. Тютчев Ф.И. Письмо П.А. Вяземскому (март 1850 г.) // Полн. собр. соч., М., 2003.
5. Мережковский Д.С. Тройная ложь // Мережковский Д.С. Царство Антихриста: статьи периода эмиграции. СПб., 2001. С. 101–106.
6. Вагнер Р. Искусство и революция. СПб., 1906.
7. Кондаков И., Корж Ю. Рихард Вагнер в русской культуре Серебряного века. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/363/506/1216/017_Igor_KONDAKOV.pdf (дата обращения: 3.05.2013).
8. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. М., 1996.
9. Брюсов В. Грядущие гунны. URL:<http://www.stihi-rus.ru/1/Bryusov/44.htm> (дата обращения: 3.05.2013).
10. Бердяев Н.А. Революция и культура // О русских классиках. С. 253–259.
11. Там же.
12. Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. Больная Россия. Л., 1991. С. 13–45.
13. Там же.
14. Мережковский Д.С. Россия будет (Интеллигенция и народ) // Дружба народов. 1991. № 4. С. 209–215.
15. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002.

References:

1. Belyi, A 1994, *Criticism. Aesthetics. The theory of symbolism*, Moscow.
2. Belyi, A 1994, *Criticism. Aesthetics. The theory of symbolism*, Moscow.
3. *Russian philosophy. Small Collegiate Dictionary* 1995, Moscow.
4. Tyutchev, FI 2003, 'A Letter to PA Viazemskii (March 1850)', *Works*, Moscow.
5. Merezkovskiy, DS 2001, 'Triple false', *The kingdom of the Antichrist: emigration period articles*, St. Petersburg, pp. 101–106.
6. Wagner, R 1906, *Art and Revolution*, St. Petersburg.
7. Kondakov, I & Korzh, J 2013, *Richard Wagner in the Russian culture of Silver Age*, retrieved 03 May 2013, <http://ecsocman.hse.ru/data/363/506/1216/017_Igor_KONDAKOV.pdf>.
8. Levitskiy, SA 1996, *Essays on the history of Russian philosophy*, Moscow.
9. Bryusov, B 2013, *Future Hunns*, retrieved 03 May 2013, <<http://www.stihi-rus.ru/1/Bryusov/44.htm>>.
10. Berdyaev, NA 2013, 'Revolution and Culture', *About Russian classics*, pp. 253–259.
11. Berdyaev, NA 2013, 'Revolution and Culture', *About Russian classics*, pp. 253–259.
12. Merezkovskiy, DS 1991a, 'Coming Ham', *Patient Russia*, Leningrad, pp. 13–45.
13. Merezkovskiy, DS 1991a, 'Coming Ham', *Patient Russia*, Leningrad, pp. 13–45.
14. Merezkovskiy, DS 1991b, 'Russia will (intelligentsia and the people)', *Peoples Friendship*, no. 4, pp. 209–215.
15. Ortega-y-Gasset, H 2002, *Revolt of the Masses*, Moscow.